

DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2025.1.8>

UDC 902(652)
LBC 63.443-427.1

Submitted: 02.11.2024
Accepted: 13.12.2024

CREMATION SITE 7 (EXCAVATION 4.1), SOUTHERN SUBURB OF TAURICA CHERSONESOS ¹

Viktor V. Kropotov

Sevastopol State University, Sevastopol, Russian Federation

Viktor V. Vakhoneev

Sevastopol State University, Sevastopol, Russian Federation;
Institute of History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences,
Saint Petersburg, Russian Federation

Abstract. During a comprehensive exploration of the Southern suburb of Tauric Chersonesos in 2021–2023, about 340 cremation sites were discovered; those were designated locations where the bodies of the deceased buried in the necropolis were burned according to the cremation rite. These structures had the appearance of pits of various sizes with heavily calcined walls and bottoms. A characteristic feature of most of the complexes is the presence of a special truncated-conical protrusion located in the central part of one of the walls and serving as a kind of blower. At the bottom of the sites, there was a layer of ash and cinders containing burnt bone fragments and human teeth. The accompanying burial material is sparse. These are mainly fragments of ceramic and glass vessels, small metal items, beads, etc. Against this background, the wealth of the cremation site 7 (excavation 4.1) stands out noticeably. Among other things, it contained a set of gold jewelry: a miniature fibula, a large ring with a lost insert, a corrugated bead with a teardrop-shaped pendant, two similar beaded pendants without pendants, five sewn-on plaques, two trefoils, and 116 scraps of foil. All these objects are quite valuable both in cultural and chronological terms. The abundance of gold products in it is indicative, testifying to the high social status of the cremated individual (individuals?). The fibula dates the monument back to the late 1st century AD. It is interesting to note that almost all the ornaments from cremation site 7 find direct analogies in the inventory of the attached crypt of 1013, widely known for the abundance of gold jewelry found in it, and which was the burial vault of the elite of the Chersonesos society. In this regard, it cannot be ruled out that the ashes of one or two buried individuals in the crypt were cremated on site 7, which is located 70 m from the area, later placed in a special, urn and buried in the tomb.

Key words: Chersonesos Taurica, ritual complexes, cremation sites, cremations, burial inventory, ornaments, Roman period.

Citation. Kropotov V.V., Vakhoneev V.V., 2025. Krematsionnaya ploshchadka 7 (raskop 4.1) yuzhnogo prigoroda Hersonesa Tavricheskogo [Cremation Site 7 (Excavation 4.1), Southern Suburb of Taurica Chersonesos]. *Nizhnevolzhskiy Arkheologicheskiy Vestnik* [The Lower Volga Archaeological Bulletin], vol. 24, no. 1, pp. 173-188. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2025.1.8>

УДК 902(652)
ББК 63.443-427.1

Дата поступления статьи: 02.11.2024
Дата принятия статьи: 13.12.2024

КРЕМАЦИОННАЯ ПЛОЩАДКА 7 (РАСКОП 4.1) ЮЖНОГО ПРИГОРОДА ХЕРСОНЕСА ТАВРИЧЕСКОГО ¹

Виктор Валерьевич Кротов

Севастопольский государственный университет, г. Севастополь, Российская Федерация

Виктор Васильевич Вахонеев

Севастопольский государственный университет, г. Севастополь, Российская Федерация;
Институт истории материальной культуры РАН, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

Аннотация. В ходе комплексного изучения Южного пригорода Херсонеса Таврического в 2021–2023 гг. было открыто свыше 340 кремационных площадок, представляющих собой места сожжения тел усопших, погребенных в некрополе по обряду кремации. Эти сооружения имели вид различных по размеру ям с сильно прокаленными стенками и дном. Характерная особенность большинства комплексов – наличие специального усеченно-конического выступа, расположенного в центральной части одной из стен и служившего своеобразным поддувом. На дне площадок находился слой золы и пепла, содержащий пережженные обломки костей и зубы человека. Сопутствующий материал немногочислен. В основном это фрагменты керамических и стеклянных сосудов, мелкие металлические изделия, бусы и т. д. На этом фоне своим богатством заметно выделяется вещевой комплекс кремационной площадки 7 (раскоп 4.1), содержащий, помимо прочего, набор золотых украшений: миниатюрную фибулу, крупный перстень с утраченной вставкой, гофрированную пронизь с подвеской каплевидной формы, две такие же пронизи без подвесок, пять нашивных бляшек, два трилистника и 116 обрывков фольги. Весь этот материал достаточно выразителен как в культурном, так и в хронологическом плане. Показательна многочисленность в нем изделий из золота, свидетельствующая о высоком социальном статусе кремированного (кремированных?). Фибула датирует памятник второй половиной I в. н.э. Интересно отметить, что едва ли не все украшения с площадки 7 находят прямые аналогии в инвентаре приставного склепа 1013, широко известного благодаря обилию найденных в нем золотых украшений и являвшегося усыпальницей элиты херсонесского общества. В этой связи нельзя исключать, что прах одного или двух погребенных в этом склепе был сожжен на площадке 7, расположенной в 70 м от него, а затем помещен в специальную урну и захоронен в гробнице.

Ключевые слова: Херсонес Таврический, ритуальные комплексы, кремационные площадки, трупосожжения, погребальный инвентарь, ювелирные украшения, римское время.

Цитирование. Кропотов В. В., Вахонеев В. В., 2025. Кремационная площадка 7 (раскоп 4.1) южного пригорода Херсонеса Таврического // Нижневолжский археологический вестник. Т. 24, № 1. С. 173–188. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2025.1.8>

Объект культурного наследия «Южный пригород древнего города Херсонес Таврический» занимает территорию около 15 га и представляет собой сменяющие друг друга участки древнего некрополя и хозяйственной застройки, примыкающие к оборонительной стене городища с юга. Памятник эпизодически исследовался начиная с XIX в., но системно был изучен только в ходе масштабных полевых работ 2021–2023 гг., проводившихся комплексной археологической экспедицией, организованной Институтом истории материальной культуры РАН при участии Государственного Эрмитажа, Государственного историко-археологического музея-заповедника «Херсонес Таврический», Севастопольского государственного университета, Института археологии Крыма РАН и НАО «Наследие Кубани». Всего за это время было раскрыто более 85 тыс. кв. м его площади, выявлено свыше 1 500 различных археологических комплексов, собрано около 6,5 млн артефактов [Соловьева и др., 2024]. В число исследованных комплексов входят остатки культовых и хозяйственных построек, гидротехнические сооружения (цистерны, колодцы и пр.), разнообразные погребальные конструкции, среди

которых особое место занимают: героон – мавзолей-святилище выдающегося героизированного гражданина города; толос с каменным саркофагом, содержащим свинцовую погребальную урну [Соловьева и др., 2021; 2022; Арсентьева и др., 2022, с. 4–35]. Самые многочисленные сооружения на памятнике – погребения рядовых жителей города, представляющие несомненный интерес с точки зрения возможности уточнения сведений о погребальном обряде древних херсонеситов.

На территории Южного пригорода Херсонеса Таврического погребения совершались как по обряду ингумации – в склепах с многократными подзахоронениями и индивидуальными могилах, так и по обряду кремации с захоронением пережженного праха усопшего, помещенного в специальную урну, в склепеколумбарии, саркофаге-оссуарии или погребальном сооружении иного типа совместно с некремированными останками. Кроме того, в литературе нередко встречаются упоминания о наличии в некрополе города так называемых трупосожжений на месте, то есть кремаций тел усопших непосредственно в могиле или над ней [Косцюшко-Валюжинич, 1912, с. 133; Зубарь, 1982, с. 51; Супрун, 2014, с. 29]. В ходе

работ 2021–2023 гг. ни одного такого случая зафиксировано не было. Погребальный ритуал кремирования непременно включал в себя отдельный этап – сожжение тела усопшего на специальной площадке. При этом кремационные площадки, необходимые для проведения данного обряда, ранее были практически не известны. Их наличие лишь в отдельных случаях отмечалось первыми исследователями памятника и подробно не описывалось. Более того, высказывались предположения, что данные «точки» не имеют отношения к кремациям покойных, а являются остатками поминальных тризн [Зубарь, 1982, с. 52]. В результате же последних полевых работ удалось исследовать свыше 340 специальных мест для сожжения тел, которые были всесторонне изучены с применением современных методов исследования.

Все они, когда сохранялись более или менее полно, представляли собой подпрямоугольные в плане ямы различных размеров, впущенные в более древний культурный слой, имеющие сильно прокаленные глиняные стенки и дно; их прослеживаемая глубина не превышала 0,6 м. Характерная особенность большинства комплексов – наличие специального усеченно-конического выступа, расположенного в центральной части одной из стен и служившего своеобразным поддувом. В некоторых случаях отмечался и второй выступ, находящийся напротив первого. Часто в заполнении площадок фиксировались остатки обгоревших сырцовых кирпичей, из которых, возможно, складывалась верхняя часть сооружения, а также крупные фрагменты обугленных деревянных элементов. На дне ям находился слой золы и пепла, содержащий обожженные мелкие обломки костей и зубы человека. Сопутствующий материал не многочислен. В основном это фрагменты керамических и стеклянных сосудов, металлические изделия – детали погребальных венков, бляшки, части пряжек, бусы и пр. Лишь изредка встречались целые формы – гончарные ойнохой, флаконы, краснолаковые кувшины, оплавленные стеклянные бальзамарии и т. д. [Дорошко и др., 2022].

На этом фоне своим богатством заметно выделяется группа кремационных площадок, исследованная в раскопах 4.1 и 21, неда-

леко от главных ворот города. Среди собранного в них инвентаря находились целые наборы золотых изделий: перстни, серьги, пронизи, подвески, нашивные бляшки, трилистники и пр. Особенно насыщен драгоценными находками был вещевой комплекс кремационной площадки 7 (раскоп 4.1), содержащий, помимо прочего, также уникальную находку – миниатюрную золотую фибулу, позволяющую узко датировать памятник. Полной публикации этого интересного комплекса посвящена данная работа.

Раскоп 4.1, на котором находилась кремационная площадка 7, вместе с раскопом 21 располагался в крайней северной части ОАН «Южный пригород древнего города Херсонес Таврический», в 60 м к юго-западу от главных городских ворот. Его площадь – 592 кв. м, толщина культурных отложений – более 6 м. Самый верхний слой, связанный с современной хозяйственной деятельностью (XX – начало XXI в.), достигал мощности 2,2 м. Под ним залегал слой периода средневековья (преимущественно IX–X вв.), имевший максимальную толщину в восточной части раскопа 1,4 м. Ниже находилась разнородная мусорная засыпь римского времени (I–III вв.), состоящая из многочисленных линз и прослоек коричневатого суглинка, желтого песка, известняковой крошки, древесных углей, рыбьих останков и пр. Суммарная мощность этого горизонта варьировалась в пределах 2–3 м. Самый нижний слой, состоящий из сероватых и темно-коричневых суглинков толщиной 0,6 м, содержал в основном находки второй половины IV – III в. до н.э. и, соответственно, относился к периоду эллинизма.

В толще этих напластований, на разных уровнях открыто 44 археологических объекта, в том числе 3 монументальные постройки, несколько отдельных каменных кладок, 5 колодцев, 3 хозяйственные ямы, часть древней дороги, детское погребение, захоронение собаки, а также 18 кремационных площадок [Вахонеев, 2024]. Последние были впущены в слои эллинистического и частично римского времени и перекрыты мусорными отложениями более позднего периода.

Большинство площадок концентрировалось в северо-восточном углу раскопа, среди них и кремационная площадка 7, зафиксиро-

ванная на глубине около 5 м от уровня современной дневной поверхности, на 1,05 м выше уровня материка (+0,65 м по балтийской системе высот). Данный объект, по-видимому, был наиболее поздним в группе, поскольку прорезал или перекрывал собой сразу несколько других площадок, и в результате сохранился наиболее полно. Его размеры – 2,6 × 1,6 м, максимальная прослеженная глубина – 0,25 м, длинная ось ориентирована по линии северо-восток – юго-запад (рис. 1). Стенки и дно конструкции были прокалены на глубину до 0,05 м и на момент раскопок имели ярко выраженный оранжево-красный цвет. Примерно в середине северо-западной стенки сооружения, на уровне дна находился трапециевидный поддув размером 0,4 × 0,15 м, заглубленный в стену на 0,3 м (рис. 2). Верхняя часть заполнения площадки состояла из коричневатого суглинка с примесью золы и многочисленных фрагментов амфор (Синопа, Гераклея, Хиос, Фасос, Кос и др.), гончарной посуды, красно- и чернолаковых изделий, а также костяных щитков («жучек») осетровых рыб. Придонная часть заполнения представляла собой сплошной слой золы и пепла толщиной 0,02–0,03 м, включавший разнообразные находки. В их числе фрагменты по меньшей мере двух стеклянных бальзамариев и кувшина, корродированная бронзовая монета, шесть пронизей из различного материала, набор золотых украшений: миниатюрная фибула, крупный перстень с утраченной вставкой, гофрированная пронизь с подвеской каплевидной формы, дополненной гранатовой вставкой, две такие же пронизи без подвесок, пять нашивных бляшек, два трилистника и 116 обрывков фольги.

Весь этот материал достаточно выразителен как в хронологическом, так и в культурном плане. Показательно доминирование в нем изделий из золота, хотя последние дошли до нас далеко не в полном объеме – большая часть предметов, по-видимому, вместе с пережженным прахом была помещена в урну и захоронена в колумбарии. Тем не менее на месте кремации сохранилось значительное количество драгоценных артефактов.

Безусловно, самая интересная находка среди них – миниатюрная золотая застежка-фибула (рис. 3, 1). Она изготовлена из единого куска металла. Ее приемник сплошной, высо-

кий, снабжен на конце S-образным завитком. Уплощенная плавно изогнутая спинка украшена сложным пуансонным орнаментом, имитирующим ветку плюща или виноградную лозу. Пружина шестивитковая, с нижней тетивой. Длина изделия – 2,35 см, высота – 0,9 см, ширина спинки – 0,7 см [Кропотов, Вахонеев, 2023, рис. 1].

Аналогичные рассматриваемому образцу застежки достаточно хорошо известны – это так называемые фибулы с завитком на конце сплошного пластинчатого приемника, широко распространенные на крымских памятниках во второй половине I – начале II в. н.э. [Кропотов, 2010, с. 183–185, рис. 55–56]. Описанный экземпляр выделяется среди них лишь материалом изделия – золотом – и наличием сложного пуансонного орнамента на спинке. Почти полная его копия (по форме) – бронзовая фибула из склепа 79 Восточного некрополя Неаполя Скифского [Кропотов, 2010, рис. 55, 6; Махнева, 1967, рис. 3, 3], погребальный инвентарь которого не позволяет датировать памятник позднее I в. н.э. Очень близки рассматриваемой фибуле изделия, отличающиеся только некоторыми второстепенными деталями, – золотые застежки с S-образными завитками, происходящие из дореволюционных раскопок в Керчи [Древности ... , 1854, табл. XXIV, 2; Martin, 1897, fig. 27–29; Шкорпил, 1909, рис. 5]. Последние, по-видимому, также относятся к I в. н.э. [Амброз, 1966, с. 45]. Принимая во внимание эти находки, золотую фибулу из заполнения кремационной площадки 7 следует датировать в пределах I в. н.э., а именно второй половиной этого столетия.

Достаточно показателен в данном комплексе и золотой перстень (рис. 3, 2). Он имеет полую линзовидную в сечении шинку, составляющую единое целое с выпуклым щитком. В центре щитка овальное отверстие для вставки. Сама вставка не сохранилась, но на основе близких аналогий можно предположить, что она была изготовлена из полудрагоценного камня – сердолика или граната – и украшена геммой или инталией. Общие размеры перстня – 2,3 × 2,5 см, внутренний диаметр шинки – 1,6–1,9 см, максимальная ширина щитка 1,3 см, размер гнезда для вставки – 1,5 × 1,0 см. В литературе схожие образцы обычно относят к I – началу / первой половине II в. н.э. [Мордвин-

цева, Трейстер, 2007, т. II, с. 15, № А27.3; Медведев, 2009, с. 154, 169, рис. 9,2; Журавлев и др., 2017, с. 164–165, кат. 341–342; Зинько, 2024, с. 135, рис. 4,1; и др.]. Данный экземпляр такому определению не противоречит.

Пять найденных в заполнении кремационной площадки 7 бляшек принадлежат четырем разным типам. Одна из них – круглая, нашивная, диаметром 0,9 см, с рельефным изображением семилепестковой розетты, с выделенной сердцевинной и двумя симметрично расположенными отверстиями для пришивания (рис. 3,3). Другая бляшка – маленькая, умбовидная, диаметром 0,6 см, с плоским краем, декорированным рядом выпуклых точек; отверстий для пришивания также два (рис. 3,4). Третий образец имеет вытянутую форму, близкую к овальной, и рельефное изображение, напоминающее желудь с украшенной выпуклыми точками шляпкой; сквозные отверстия для пришивания расположены в острых углах бляшки; размеры изделия – 1,4 × 0,75 см (рис. 3,5). Два оставшихся экземпляра – ромбовидные бляшки-пронизи, спаянные из пяти гофрированных пронизей-трубочек различной длины, дополненных с двух сторон петлями; у одного образца одна из петель не сохранилась. Общие размеры этих предметов – 1,0 × 0,75 см, диаметр трубочек – 0,16 см (рис. 3,6–7).

Перечисленные бляшки, за исключением образца со штампом, напоминающим по форме желудь, хорошо известны в некрополе Херсонеса и датируются I–II вв. н.э. [Журавлев и др., 2017, с. 90, 110–113, 119–121, кат. 170–171, 210–216, 238–244]. Редким является только упомянутый выше образец, однако и его датировка этим же временем сомнения не вызывает.

Две гофрированные пронизи из рассматриваемого комплекса имеют длину 1,05 см, диаметр – 0,18–0,22 см (рис. 3,8–9). Третья аналогичная пронизь длиной 1,25 см, диаметром 0,2 см снабжена проволочной петлей, к которой привешена каплевидная привеска со вставкой граната аналогичной формы; размеры привески – 0,8 × 0,55 см, размеры вставки – 0,6 × 0,35 см (рис. 3,10). Все три предмета, по-видимому, являются частями одного и того же ожерелья, состоящего из нескольких десятков таких элементов [Белов, 1927, с. 132,

рис. 19,6,10; Журавлев и др., 2017, с. 81–89, кат. 142–168]. В Северном Причерноморье подобные украшения известны достаточно широко и также относятся в основном к I–II вв. н.э. [Мордвинцева, Трейстер, 2007, т. I, с. 78–79].

Два почти полностью сохранившихся трилистника изготовлены из тонкой золотой фольги и имеют подтреугольную основу с тремя зубцами (на одном образце один из зубцов утрачен), их размеры: 1,8–2,6 × 1,5 см (рис. 3,11–12). Оба изделия, несомненно, входили в нарядный погребальный венок, который состоял из множества таких украшений. Часть из них, по-видимому, представлена в нашей коллекции в виде мелких обрывков фольги, другие, вероятно, были помещены вместе с пережженным прахом покойного в урну и захоронены в колумбарии. М.И. Максимова сходные небольшие подтреугольные листочки датирует в основном I в. до н.э. – I в. н.э. [Максимова, 1979, с. 131]. М.Ю. Трейстер отмечает их находки также в комплексах первой половины II в. н.э. [Трейстер, 2014, с. 60]. Публикуемые образцы этим определениям полностью соответствуют.

Упомянутые выше обрывки золотой фольги (116 экз.) имеют незначительные размеры (от 0,3 × 0,1 до 1,7 × 1,2 см) (рис. 3,13–15). По ним трудно составить точное представление о типах, формах и размерах состоявших из них украшений. Однако с высокой долей вероятности можно заключить, что часть из них, как отмечено выше, составляла детали погребального венка, другие могли относиться к иным элементам убора: декоративным накладкам, аппликациям, диадемам и пр., хорошо известным в херсонесском некрополе первых веков н.э. [Белов, 1927, с. 115, рис. 8; Журавлев и др., 2017, с. 12–25, кат. 9–41; Зубарь, 1982, с. 109–113, рис. 75–76].

Близкие золотым украшениям хронологические определения предполагают и прочие находки из рассматриваемого комплекса, в частности стеклянные сосуды. Последние сильно фрагментированы. От бальзамариев в целом виде сохранились только придонные части двух образцов (диаметр доньев – 3,9 и 4,2 см) и горло одного из них (длина фрагмента – 8,2 см, диаметр венчика – 2,1 см). Судя по ним, изделия имели низкое коническое тулово, чуть вогнутое дно и длинное узкое гор-

ло, более чем вдвое превышающее по высоте тулово. Стекло сосудов тонкое, прозрачное, с голубоватым оттенком (рис. 4,2–3). Н.З. Кунина и Н.П. Сорокина относят такие флаконы к варианту I-2-Г по своей классификации и датируют второй половиной I – первой половиной II в. н.э. [Кунина, Сорокина, 1972, с. 160–161]. Другие исследователи придерживаются в целом тех же определений (см., например: [Труфанов, 2009, с. 134]).

Кувшин из описываемого комплекса сохранился хуже, удалось восстановить только часть воронковидного горла с трехреберной ленточной ручкой, украшенной петлевидным выступом над венчиком. Стекло сосуда такое же тонкое, прозрачное, но с желтовато-зеленым оттенком. Диаметр венчика – 4,9 см (рис. 4,1). Определить точную типологическую принадлежность образца на основании только этих данных не представляется возможным, так как подобные декоративные элементы присутствуют на многих кувшинах первых веков н.э. Однако наиболее близкие нашему изделию по абрису горла экземпляры характерны преимущественно для второй половины / конца I – II в. н.э. [Кунина, 1997, с. 303–307, кат. 254–267].

Пронизи, найденные в заполнении кремационной площадки 7, разнотипны. Две из них – округло-ребристые, поперечно сжатые бусины из египетского фаянса светло-бирюзового и белесого цвета (тип 16а/б²; рис. 4,4–5). Одна – коротко-цилиндрический бисер из того же материала (тип 9; рис. 4,9). Одним экземпляром представлена удлиненная бочковидная бусина из глухого белого стекла (тип 20; рис. 4,7). Два оставшихся образца – пронизи: бронзовая усеченно-биконическая (тип 7; рис. 4,8) и костяная дисковидная неправильных очертаний (тип 1; рис. 4,6). Аналогичные изделия Е.М. Алексеева датирует широко: либо II в. до н.э. – II в. н.э. с возможным преобладанием в I в. н.э. (фаянсовые типа 16а/б и бронзовые типа 7) [Алексеева, 1975, с. 33–34; 1982, с. 23], либо почти всем античным периодом (фаянсовые типа 9, стеклянные типа 20, костяные типа 1) [Алексеева, 1975, с. 32; 1978, с. 65; 1982, с. 31].

К сожалению, бронзовая монета из описываемого комплекса оказалась слишком сильно корродированной, поэтому определить

ее типологическую принадлежность и хоть сколь-либо точное хронологическое положение не представляется возможным.

Тем не менее благодаря достаточной выразительности инвентаря в целом кремационная площадка 7 может быть датирована довольно узко. Весь набор сохранившихся в ее заполнении украшений демонстрирует богатый погребальный убор усопшего (или, возможно, двоих – мужчины и женщины), состоявший из золотого погребального венка, ожерелья из золотых гофрированных пронизей с подвесками, украшенными сердоликовыми вставками, роскошного наряда из расшитой золотыми бляшками ткани, скрепленного золотой застежкой-фибулой, золотого перстня, нитки бус из различных материалов и, вероятно, некоторых других элементов, оставшихся нам не известными. Покойника (или покойников) также сопровождал набор стеклянной посуды и ритуальная бронзовая монета – обол Хорона. Весь этот материал, безусловно, мог принадлежать только гражданам очень высокого социального статуса. По золотой застежке-фибуле комплекс может быть узко датирован второй половиной I в. н.э., но остальной инвентарь не исключает и более широкую датировку: вторая половина I – первая половина II в. н.э.

Интересно отметить исключительную редкость золотых застежек-фибул в Северном Причерноморье, которые всегда связаны с захоронениями усопших очень высокого социального статуса. Таковы, в частности, погребения в приставном склепе 1013 Херсонеса, также содержащем миниатюрную золотую застежку – единственную находку подобного рода в городском некрополе, не считая публикуемой, близкую ей по времени, но относящуюся к другому типу [Белов, 1927, с. 107–141, рис. 19,16].

Важно также указать, что едва ли не все украшения из заполнения описываемой площадки находят полные аналогии в инвентаре этого склепа. В нем обнаружены те же круглые нашивные бляшки с розетками, объемные перстни и гофрированные пронизи с каплевидными подвесками [Белов, 1927, рис. 18,2,5, 19,6,10, 20,2]. В этой связи нельзя исключать, что прах одного или двух погребенных в склепе 1013, содержащем в основ-

ном кремированные останки, был сожжен на площадке 7, расположенной в 70 м от него (рис. 5), а затем помещен в специальную урну и захоронен в указанной гробнице.

Таким образом, подробный типолого-хронологический анализ находок из заполнения кремационной площадки 7 позволяет не только определить точную датировку комплекса, но и наметить его связь с хорошо известным склепом-колумбарием. Последовательность возведения других кремационных площадок, их точная хронология и связь с открытыми ранее погребальными памятниками древнего города пока еще остаются не выясненными,

однако всестороннее рассмотрение собранного материала в будущем, несомненно, позволит осветить и эти вопросы.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Работа выполнена при поддержке гранта Российского научного фонда № 24-28-20456, <https://rscf.ru/project/24-28-20456/>

This research was conducted by the grant from the Russian Science Foundation no. 24-28-20456, <https://rscf.ru/project/24-28-20456/>

² Здесь и далее использована классификация бус Е.М. Алексеевой [1975; 1978; 1982].

ПРИЛОЖЕНИЯ

Рис. 1. Южный пригород Херсонеса Таврического, раскоп 4.1, кремационная площадка 7, вид с юго-востока

Fig. 1. Southern suburb of Tauric Chersonesos, excavation 4.1, cremation site 7, view from the southeast

Рис. 2. Южный пригород Херсонеса Таврического, раскоп 4.1, поддув кремационной площадки 7, вид с юго-востока

Fig. 2. Southern suburb of Tauric Chersonesos, excavation 4.1, blowing of cremation site 7, view from the southeast

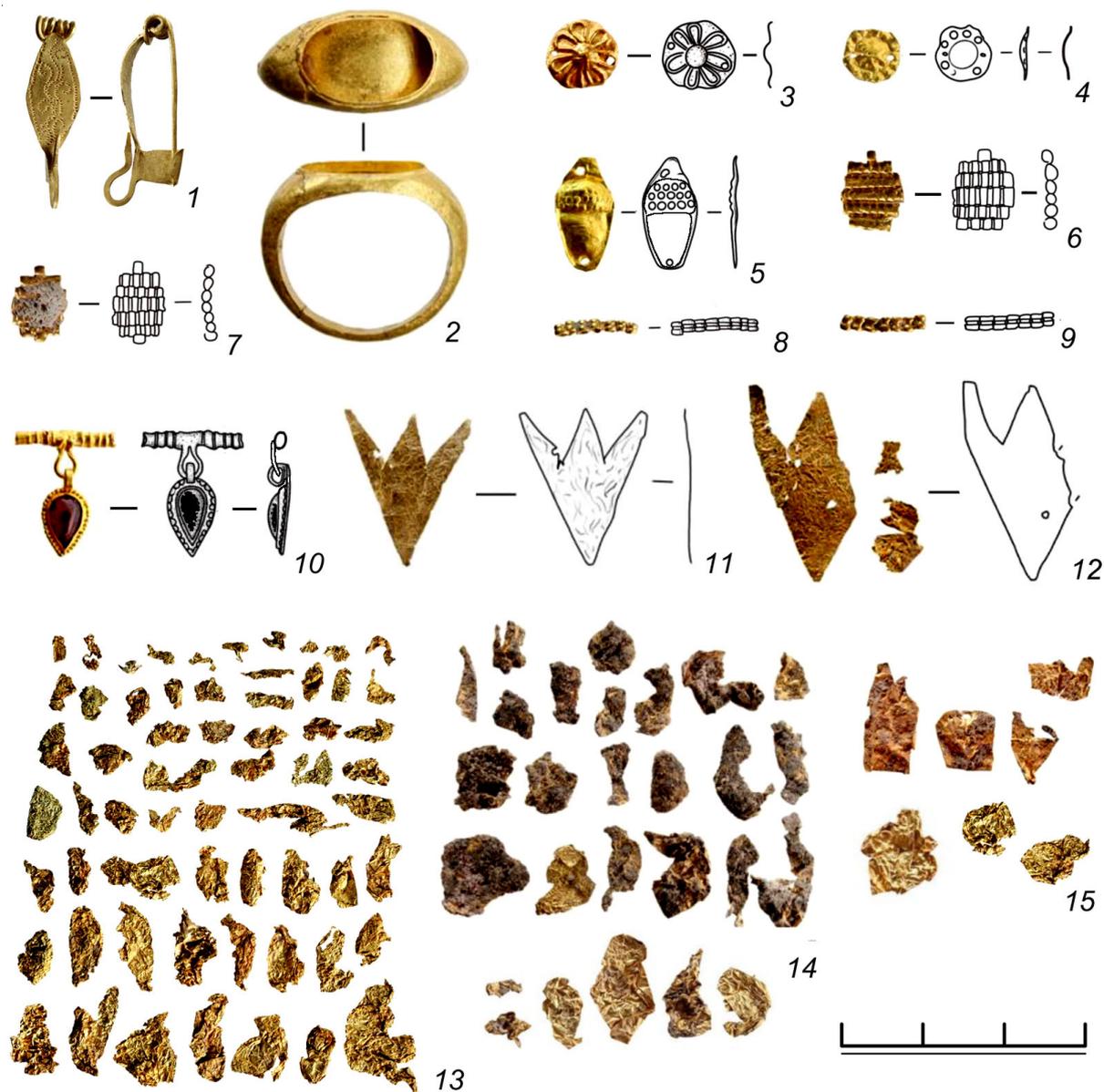

Рис. 3. Южный пригород Херсонеса Таврического, раскоп 4.1, золотые украшения из заполнения кремационной площадки 7:

1 – фибула; 2 – перстень; 3–5 – бляшки; 6–10 – пронизи; 11, 12 – трилистники; 13–15 – фрагменты фольги (фото М. Третьякова, прорисовки В. Добрынина)

Fig. 3. Southern suburb of Tauric Chersonesos, excavation 4.1, gold ornaments from cremation site 7 material:

1 – fibula; 2 – ring; 3–5 – plaques; 6–10 – pierces; 11–12 – shamrocks; 13–15 – foil fragments (photo by M. Tretyakov, drawings by V. Dobrynin)

Рис. 4. Южный пригород Херсонеса Таврического, раскоп 4.1, фрагменты сосудов, бусы и пронизи из заполнения кремационной площадки 7:
 1 – фрагменты стеклянного кувшина; 2, 3 – фрагменты стеклянных бальзамариев; 4, 5, 9 – фаянсовые бусины;
 6 – костяная пронизь; 7 – стеклянная бусина; 8 – бронзовая пронизь
 (фото М. Третьякова, прорисовки В. Добрынина)

Fig. 4. Southern suburb of Tauric Chersonesos, excavation 4.1, fragments of vessels, beads and pierces from cremation site 7 material:
 1 – fragments of glass jug; 2, 3 – fragments of glass balsamariums; 4, 5, 9 – earthenware beads;
 6 – bone pierce; 7 – glass bead; 8 – bronze pierce (photo by M. Tretyakov, drawings by V. Dobrynin)

Рис. 5. Южный пригород Херсонеса Таврического, расположение кремационной площадки 7 и склепа 1013 на космоснимке из ресурса Google Earth

Fig. 5. Southern suburb of Tauric Chersonesos, the location of cremation site 7 and crypt 1013 in a satellite image from the Google Earth resource

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Алексеева Е. М., 1975. Античные бусы Северного Причерноморья. САИ. Вып. Г1-12. М. : Наука. 120 с.
- Алексеева Е. М., 1978. Античные бусы Северного Причерноморья. САИ. Вып. Г1-12. М. : Наука. 120 с.
- Алексеева Е. М., 1982. Античные бусы Северного Причерноморья. САИ. Вып. Г1-12. М. : Наука. 104 с.
- Амброз А. К., 1966. Фибулы юга Европейской части СССР II в. до н.э. – IV в. н.э. САИ. Вып. Д1-30. М. : Наука. 150 с.
- Арсентьева Е. И., Дорошко В. В., Костромичев Д. А., Лесная Е. С., Мыц В. Л., Нессель В. А., Павличенко Н. А., Рыжова Л. А., Соловьев С. Л., Терещенко А. Е., Трофимова А. А., Тюрин М. И., Ушаков С. В., 2022. Сокровища Южного пригорода Херсонеса Таврического. Севастополь : ГИА МЗ «Херсонес Таврический». 36 с.
- Белов Г. Д., 1927. Римские приставные склепы №№ 1013 и 1014 в Херсонесе // Херсонесский сборник. Вып. II. Севастополь : Изд. Херсонес. музея. С. 106–146.
- Вахонеев В. В., 2024. Археологические исследования на раскопе 4.1 // Бюллетень ИИМК РАН. № 15. СПб. : ИИМКРАН. С. 88–92.
- Дорошко В. В., Лесная Е. С., Тюрин М. И., 2022. Новые данные об обряде кремации на некрополе Херсонеса римского времени // Археология погребений: современные теоретические и методические подходы : тез. докл. Всерос. науч. конф. с междунар. участием, посвящ. памяти В.И. Гуляева. М. : ИА РАН. С. 23–24.
- Древности Боспора Киммерийского, хранящиеся в Императорском музее Эрмитажа, 1854. Т. III. СПб. : Имп. Акад. наук. 160 с.
- Журавлев Д. В., Новикова Е. Ю., Коваленко С. А., Шемаханская М. С., 2017. Золото Херсонеса Таврического (ювелирные изделия из собрания Государственного исторического музея). М. : РИА Внешторгиздат. 360 с.
- Зинько В. Н., 2024. Золотой перстень из погребального комплекса некрополя Пантикапея // Полевой дневник. Восточная Европа в античное время и средние века. Материалы спасательных археологических исследований. Т. 34. М. : ИА РАН. С. 133–141.
- Зубарь В. М., 1982. Некрополь Херсонеса Таврического I–IV вв. н.э. Киев : Наукова думка. 142 с.
- Косцюшко-Валюжинич Д. Н., 1912. Некрополь у крестовидного храма в Херсонесе // Известия Таврической ученой архивной комиссии. Вып. 47. Симферополь : Тип. Тавр. Губ. Земства. С. 124–134.
- Кропотов В. В., 2010. Фибулы сарматской эпохи. Киев : АДЕФ-Украина. 384 с.
- Кропотов В. В., Вахонеев В. В., 2023. Золотая фибула из Южного пригорода Херсонеса Таврического // Античные реликвии Херсонеса: открытия, находки, теории : материалы науч. конф. М. : Буки Веди. С. 96–99.
- Кунина Н. З., 1997. Античное стекло в собрании Эрмитажа. СПб. : АРС. 360 с.
- Кунина Н. З., Сорокина Н. П., 1972. Стекланные бальзамарии Боспора // Труды Государственного Эрмитажа. Т. XIII. Л. : Аврора. С. 146–177.
- Максимова М. И., 1979. Артюховский курган. Ленинград : Искусство. 152 с.
- Махнева О. А., 1967. Склеп с египетскими изделиями на восточном участке некрополя Неаполя скифского // Записки Одесского археологического общества. Т. II (35). Одесса : Маяк. С. 191–196.
- Медведев А. П., 2009. Новые материалы по истории и культуре античной Фанагории (из раскопок Восточного некрополя в 2005–2007 гг.) // Норция. Вып. 6. Воронеж : ВГУ. С. 146–171.
- Мордвинцева В. И., Трейстер М. Ю., 2007. Произведения торевтики и ювелирного искусства в Северном Причерноморье II в. до н.э. – II в. н.э. : в 2 т. Симферополь ; Бонн : Тарпан. Т. I – 308 с.; Т. II – 256 с.
- Соловьева Н. Ф., Мыц В. Л., Соловьев С. Л., 2021. Южный пригород древнего Херсонеса Таврического (предварительные итоги археологических раскопок в 2021 г.) // Бюллетень ИИМК РАН. № 11. СПб. : ИИМКРАН. С. 183–188.
- Соловьева Н. Ф., Соловьев С. Л., Мыц В. Л., 2022. Краткие результаты археологических раскопок в Южном пригороде Херсонеса Таврического // Бюллетень ИИМК РАН. № 12. СПб. : ИИМКРАН. С. 161–169.
- Соловьева Н. Ф., Виноградов Ю. А., Мыц В. Л., Соловьев С. Л., Вахонеев В. В., 2024. Краткие итоги раскопок Южного пригорода Херсонеса // Бюллетень ИИМК РАН. № 15. СПб. : ИИМКРАН. С. 17–28.

- Супрун Н. О., 2014. О трансформации погребального обряда Херсонеса-Херсона на примере использования кремации // Научные ведомости БелГУ. Серия: История. Политология. Экономика. Информатика. № 21 (192). Вып. 32. С. 28–34.
- Трейстер М. Ю., 2014. Золотые погребальные венки Боспора IV в. до н.э. – V в. н.э. (генезис и хронология основных типов) // Погребальная культура Боспорского царства : материалы круглого стола, посвящ. 100-летию со дня рождения М.М. Кубланова. СПб. : Нестор-История. С. 54–65.
- Труфанов А. А., 2009. Хронология могильников Предгорного Крыма I в. до н.э. – III в. н.э. // *Stratum plus*. № 4. С. 117–328.
- Шкорпил В. В., 1909. Отчет о раскопках в г. Керчи в 1905 г. // Известия Императорской археологической комиссии. Вып. 30. СПб. : Тип. Гл. упр. уделов. С. 1–50.
- Martin F. R., 1897. *Fibulor och söljor från Kertch* // *Vitterhets historie och antiquitets Akademiens Månadsblad*. 1894. Bihang. Stockholm. 28 s.

REFERENCES

- Alekseeva E.M., 1975. *Antichnye busy Severnogo Prichernomor'ya* [Antique Beads from the Northern Pontic Region]. *Svod arheologicheskikh istochnikov*, iss. Г1-12. Moscow, Nauka Publ. 120 p.
- Alekseeva E.M., 1978. *Antichnye busy Severnogo Prichernomor'ya* [Antique Beads from the Northern Pontic Region]. *Svod arheologicheskikh istochnikov*, iss. Г1-12. Moscow, Nauka Publ. 120 p.
- Alekseeva E.M., 1982. *Antichnye busy Severnogo Prichernomor'ya* [Antique Beads from the Northern Pontic Region]. *Svod arheologicheskikh istochnikov*, iss. Г1-12. Moscow, Nauka Publ. 104 p.
- Ambroz A.K., 1966. *Fibuly iuga Evropeiskoy chasti SSSR II v. do n.e. – IV v. n.e.* [Brooches of the South of European part of USSR of 2nd cent. BC – 4th cent. AD]. *Svod arkheologicheskikh istochnikov*, iss. Д1-30. Moscow, Nauka Publ. 150 p.
- Arsent'eva E.I., Doroshko V.V., Kostromichev D.A., Lesnaya E.S., Myts V.L., Nessel V.A., Pavlichenko N.A., Ryzhova L.A., Solov'ev S.L., Tereschshenko A.E., Trofimova A.A., Tyurin M.I., Ushakov S.V., 2022. *Sokrovishcha Yuzhnogo prigoroda Khersonesa Tavricheskogo* [Treasures of the Southern Suburb of Tauric Chersonesos]. Sevastopol, The State Museum-Preserve "Tauric Chersonese" Publ. 36 p.
- Belov G.D., 1927. *Rimskie pristavnnye sklepy no. 1013 i 1014 v Khersonese* [Roman Annexed Crypts no. 1013 and 1014 in Chersonesos]. *Khersonesskiy sbornik* [Chersonesos Collected Works], iss. II. Sevastopol, Chersonesos Museum, pp. 106-146.
- Vakhoneev V.V., 2024. *Arkheologicheskie issledovaniya na raskope 4.1* [Archaeological Research at the Excavation Site 4.1]. *Byulleten' Instituta istorii material'noy kultury RAS* [Bulletin of the Institute for the History of Material Culture RAS], iss. 15. Saint Petersburg, IHMC RAS, pp. 88-92.
- Doroshko V.V., Lesnaya E.S., Tyurin M.I., 2022. *Novye dannye ob obryade krematsii na nekropole Khersonesa rimskogo vremeni* [The New Materials on the Cremation Rite at the Necropolis of Chersonesos in the Roman Period]. *Arkheologia pogrebeniy: sovremennyye teoreticheskie i metodologicheskie podkhody: tez. dokl. Vseros. nauch. konf. s mezhdunar. uchastiem, posvyashch. pamyati V.I. Gulyaeva* [Archaeology of Burials: Modern Theoretical and Methodological Approaches. Abstracts of the Reports of the All-Russian Scientific Conference with International Participation, Dedicated to the Memory of V.I. Gulyaev]. Moscow, IA RAS, pp. 23-24.
- Drevnosti Bospora Kimmeriyskogo, khraryashchiesya v Imratorskom muzee Ermitazha* [Antiquities of the Cimmerian Bosphorus, Kept in the Imperial Museum of the Hermitage], 1854. Vol. III. Saint Petersburg, Imp. Academy of Science Publ. 160 p.
- Zhuravlev D.V., Novikova E.Yu., Kovalenko S.A., Shemakhanskaya M.S., 2017. *Zoloto Khersonesa Tavricheskogo (yuvelirnye izdeliya iz sobraniya Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeya)* [Gold of Tauric Chersonesos (Jewelry from the Collection of the State Historical Museum)]. Moscow, RIA Vneshtorgizdat Publ. 360 p.
- Zin'ko V.N., 2024. *Zolotoy persten' iz pogrebal'nogo kompleksa nekropolya Pantikapeya* [Gold Ring from the Burial Complex of the Panticapaeum Necropolis]. *Polevoy dnevnik. Vostochnaya Evropa v antichnoe vremya i srednie veka. Materialy spasatel'nykh arkheologicheskikh issledovaniy* [Field Diary. Eastern Europe in Antiquity and the Middle Ages. Materials of Rescue Archaeological Research], vol. 34. Moscow, IA RAS, pp. 133-141.

- Zubar' V.M., 1982. *Nekropol' Khersonesa Tavricheskogo I–IV vv. n.e.* [Necropolis of Tauric Chersonesos 1st – 4th Centuries AD]. Kiev, Naukova Dumka Publ. 142 p.
- Kostyushko-Valyuzhinich D.N., 1912. Nekropol' u krestovidnogo khrama v Khersonese [Necropolis Near the Cross-Shaped Temple in Chersonesos]. *Izvestiya Tavricheskoy uchenoy arkhivnoy komissii* [News of the Tauride Scientific Archival Commission], iss. 47. Simferopol, Tav. Gub. Zemstvo, pp. 124-134.
- Kropotov V.V., 2010. *Fibuly sarmatskoy epokhi* [Brooches of the Sarmatian Age]. Kiev, ADEF-Ukraina Publ. 384 p.
- Kropotov V.V., Vakhoneev V.V., 2023. Zolotaya fibula iz Yuzhnogo prigoroda Khersonesa Tavricheskogo [Golden Fibula from the Southern Suburb of Tauric Chersonesos]. *Antichnye relikvii Khersonesa: otkrytiya, nakhodki, teorii: materialy nauch. konf.* [Ancient Relics of Chersonesos: Discoveries, Findings, Theories. Materials of the Scientific Conference]. Moscow, Buki Vedi Publ., pp. 96-99.
- Kunina N.Z., 1997. *Antichnoe steklo v sobranii Ermitazha* [Ancient Glass in the Hermitage Collection]. Saint Petersburg, ARS Publ. 360 p.
- Kunina N.Z., Sorokina N.P., 1972. Steklyannye bal'zamarii Bospora [Glass Balsamaria of Bosporus]. *Trudy Gosudarstvennogo Ermitazha* [Proceedings of the State Hermitage Museum], iss. 13. Saint Petersburg, Avrora Publ., pp. 146-177.
- Maksimova M.I., 1979. *Artyukhovskiy kurgan* [Artyukhovsky Kurgan]. Leningrad, Iskusstvo Publ. 152 p.
- Makhneva O.A., 1967. Sklep s egipetskimi izdeliyami na vostochnom uchastke nekropolya Neapolya Skifskogo [Crypt with Egyptian Artifacts in the Eastern Section of the Scythian Neapolis Necropolis]. *Zapiski Odesskogo arkheologicheskogo obshchestva* [Notes of the Odessa Archaeological Society], iss. II (35). Odessa, Mayak Publ., pp. 191-196.
- Medvedev A.P., 2009. Novye materialy po istorii i kul'ture antichnoy Fanagorii (iz raskopok Vostochnogo nekropolya v 2005–2007 gg.) [New Materials on the History and Culture of Ancient Phanagoria (from Excavations of the Eastern Necropolis in 2005–2007)]. *Nortsia* [Nortsia], iss. 6. Voronezh, VSU, pp. 146-171.
- Mordvintseva V.I., Treister M.Yu. 2007. *Proizvedeniya torevniki i yuvelirnogo iskusstva v Severnom Prichernomor'e II v. do n.e. – II v.n.e.: v 2 t.* [Works of Toreutics and Jewelry Art in the Northern Pontic Region of the 2nd Century BC – 2nd Century AD. In 2 Volumes]. Simferopol; Bonn, Tarpan Publ. Vol. I. 308 p., vol. II. 256 p.
- Solov'eva N.F., Myts V.L., Solov'ev S.L., 2021. Yuzhnyy prigorod drevnego Khersonesa Tavricheskogo (predvaritel'nye itogi arkheologicheskikh raskopok v 2021 g.) [Southern Suburb of Ancient Chersonesos Taurica (Preliminary Results of Archaeological Excavations in 2021)]. *Bulleten' Instituta istorii material'noy kultury RAS* [Bulletin of the Institute for the History of Material Culture RAS], iss. 11. Saint Petersburg, IHMC RAS, pp. 183-188.
- Solov'eva N.F., Solov'ev S.L., Myts V.L., 2022. Kratkie rezul'taty arkheologicheskikh raskopok v Yuzhnom prigorode Khersonesa Tavricheskogo [Brief Results of Archaeological Excavations in the Southern Suburbs of Tauric Chersonesos]. *Bulleten' Instituta istorii material'noy kultury RAS* [Bulletin of the Institute for the History of Material Culture RAS], iss. 12. Saint Petersburg, IHMC RAS, pp. 161-169.
- Solov'eva N.F., Vinogradov Yu.A., Myts V.L., Solov'ev S.L., Vakhoneev V.V., 2024. Kratkie itogi raskopok Yuzhnogo prigoroda Khersonesa [Brief Results of Excavations of the Southern Suburb of Chersonesos]. *Bulleten' Instituta istorii material'noy kultury RAS* [Bulletin of the Institute for the History of Material Culture RAS], iss. 15. Saint Petersburg, IHMC RAS, pp. 17-28.
- Suprun N.O., 2014. O transformatsii pogrebal'nogo obryada Khersonesa-Khersona na primere ispol'zovaniya krematsii [On the Transformation of the Burial rite of Chersonesos-Kherson on the Example of the Use of Cremation]. *Nauchnye vedomosti BelGU. Seriya: Istoriya. Politologiya. Ekonomika. Informatika* [Scientific Bulletin of BelSU. Series: History. Political Science. Economics. Computer Science], no. 21 (192), iss. 32, pp. 28-34.
- Treister M.Yu., 2014. Zolotye pogrebal'nye venki Bospora IV v. do n.e. – V v. n.e. (genesis i khronologiya osnovnykh tipov) [Golden Funeral Wreaths of the Bosporus of the 4th Century BC – 5th Century AD (Genesis and Chronology of the Main Types)]. *Pogrebal'naya kultura Bosporskogo tsarstva: materialy kruglogo stola, posvyashch. 100-letiyu so dnya rozhdeniya M.M. Kublanova* [Funeral Culture of the Bosporan Kingdom. Materials of the Round Table Dedicated to the 100th Anniversary of M.M. Kublanov's Birthday]. Saint Petersburg, Nestor-Istoriya Publ., pp. 54-65.
- Trufanov A.A., 2009. Chronologia mogilyikov Predgornogo Kryma I v. do n.e. – III v. n.e. [The Chronology of Burials in the Foothill Crimea at the 1st century BC – 3rd century AD]. *Stratum plus*, no. 4, pp. 117-328.

Shkorpil V.V., 1909. Otchet o raskopkakh v g. Kerchi v 1905 g. [Report on Excavations in the Kerch in 1905]. *Izvestiya Imperatorskoy arkheologicheskoy komissii* [News of the Imperial Archaeological Commission], iss. 30. Saint Petersburg, Gl. upr. udelov, pp. 1-50.

Martin F.R., 1897. Fibulor och söljor från Kertch. *Vitterhets historie och antiquitets Akademiens Månadsblad. 1894. Bihang*. Stockholm. 28 s.

Information About the Authors

Viktor V. Kropotov, Candidate of Sciences (History), Senior Researcher, Research Laboratory “Interdisciplinary Studies of the Coastal Zone”, Institute for Advanced Studies, Sevastopol State University, Universitetskaya St, 33, 299053 Sevastopol, Russian Federation, v-kropotov@bk, <https://orcid.org/0000-0001-8317-0272>

Viktor V. Vakhoneev, Candidate of Sciences (History), Head of the Research Laboratory “Interdisciplinary Studies of the Coastal Zone”, Institute for Advanced Studies, Sevastopol State University, Universitetskaya St, 33, 299053 Sevastopol, Russian Federation; Senior Researcher, Rescue Archaeology Center, Institute of History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences, Dvortsovaya Emb., 18, 191186 Saint Petersburg, Russian Federation, vvvkerch@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8845-0628>

Информация об авторах

Виктор Валерьевич Кротов, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник НИЛ «Междисциплинарные исследования прибрежной зоны» Института перспективных исследований, Севастопольский государственный университет, ул. Университетская, 33, 299053 г. Севастополь, Российская Федерация, v-kropotov@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8317-0272>

Виктор Васильевич Вахонеев, кандидат исторических наук, заведующий НИЛ «Междисциплинарные исследования прибрежной зоны» Института перспективных исследований, Севастопольский государственный университет, ул. Университетская, 33, 299053 г. Севастополь, Российская Федерация; старший научный сотрудник Центра спасательной археологии, Институт истории материальной культуры РАН, Дворцовая наб., 18, 191186 г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, vvvkerch@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8845-0628>